

УДК 821.161.1.09-3

**КОНЦЕПТОСФЕРА РОМАНА В. Я. ШИШКОВА
«УГРЮМ-РЕКА»****Л. Н. Скаковская**Тверской государственный университет
кафедра международных отношений

В данной статье рассматриваются основные концепты, составляющие концептосферу романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река». Автор выявляет связи между ними и определяет их место в целостной системе романа. Концепты *мир*, *природа* и *человек* являются основой данной концептосферы. Переплетаясь, они образуют философскую основу произведения, вошедшего в золотой фонд русской литературы XX века.

Ключевые слова: *В. Я. Шишков, роман, концепт, концептосфера, мир, природа, человек.*

Роман В. Я. Шишкова «Угрюм-река» давно и прочно снискал читательское признание и не раз становился предметом исследования специалистов [5; 8], причем как лингвистов [3], так и литературоведов [4; и др.]. В советском литературоведении прежде всего изучалось социальное начало в творчестве писателя [9; 12], позднее предметом исследования часто становились философские основы романа [1], связь с народным творчеством [7], «сибирская специфика» [6; 10] и др.

Интересно взглянуть на это произведение с точки зрения концептосферы и ее основных составляющих, проанализировать, как, пересекаясь, взаимодействуют поля основных концептов и образуют единое целое. О концептах в литературных произведениях написано много [2]. Пожалуй, центральным концептом в концептосфере романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река» является мир. Этот концепт очень сложен и многослоен. Он буквально пронизывает всю ткань произведения, реализуясь, пожалуй, во множестве других концептов.

Мир воспринимается с разных позиций: временных, пространственных, социальных, бытийных, национальных и даже религиозных, если брать коренных обитателей тайги тунгусов и христиан. Все эти модели миров образуют единое мироздание, которое в шишковском романе живет и движется.

Конкретизируем эту мысль. В романе множество героев, представляющих разные социальные и этнические слои населения. Для каждой из этих групп характерно свое представление о мире и мироздании в географическом, если так можно сказать, плане. Для обитателей затерявшейся в лесу на берегу Угрюм-реки деревеньки мир исчерпывается ее пределами: «Кругом простор, и нет простора: ноги крепко вросли в землю, душа без крыл» [11, т. 1, с. 89]. В глазах главного героя Прохора Громова этот мир явно ущербен, он называет его обитателей «пнями». Для него мир протяжен в пространстве и не ограничивается даже Сибирью («... а может, и весь свет...») [Там же, с. 88]. Его можно познавать в течение всей жизни. С точки зрения тунгусов, мир – тайга, здесь проходит вся их жизнь, здесь их боги и предки. Для рабочих Громова мир часто ограничивается местом жизни и близлежащими местами.

С социальной точки зрения, концепт мир реализуется в романе по-своему. Ближе к концу романа, во время болезни Прохора, его жена упоминает о «купецком мире» [11, т. 2, с. 506] как о возможной помощи для поправки дел. Когда Нина попадает в рабочий поселок и видит ужасные условия жизни людей, ее спутник напоминает ей, что сейчас она находится за пределами «своего мира».

Наиболее всеобъемлющ смысл центрального концепта в понимании мира как мироздания. Представляется, что В. Я. Шишкову удалось создать целостную картину мира – и в этом одно из основных достоинств романа. Эта картина многогранна, многоаспектна и включает в себя, казалось бы, несовместимое. В этой модели мироздания уживаются христианские устои и языческие верования, человеческое и звериное естество, природное и социальное начала, печаль и радость, жизнь и смерть. И все это переплетено столь плотно, что образует единый поток. «Одномоментность» существования шишковской модели мира – одна из основных особенностей романа, позволяющих поставить его в ряд с лучшими произведениями русской литературы XX века.

Две основные ее составляющие, по мнению автора романа, – природа и человек. Эти концепты также очень важны, но они во многом пересекаются с концептом мир и входят в его семантическое поле. Мысль о сложности и противоречивости взаимоотношений естественного и человеческого миров пронизывает весь роман и реализуется на всем протяжении развития сюжета. Автор не сопоставляет друг другу человеческий и природный миры, а показывает их как две беспредельности, не существующие друг без друга. У Шишкова природный мир не нуждается в человеке, он самодостаточен, но человек постоянно осваивает все новые места и приспособливает их под собственную среду обитания. И оказывается, что жизненное пространство двух миров все более сливается в нечто единое.

Взаимодействие природного и человеческого миров, в понимании В. Я. Шишкова, происходит отнюдь не в линейной последовательности, а на нескольких уровнях одновременно. На первый взгляд кажется, что природа и человек существуют сами по себе, но только на первый взгляд. А чем глубже проникаешь в замысел писателя, тем более очевидной становится их слитность.

Чтобы доказать это, обратимся к авторским описаниям природных явлений и реалий. Очень часто автор использует олицетворение, придавая этим явлениям человеческие черты. Так, конец лета в романе ассоциируется с процессом старения человека («Лето дряхлело» [11, т. 1, с. 23]). Оно, как очень старый человек, утрачивало свои силы и приближалось к смерти.

Тьма тоже воспринимается как живое существо: она, по словам автора, «хотела притушить огарок» [Там же, с. 58]. Скалистый островок на реке напоминает человека, грудью стоящего против течения и ветра: «Вдали маячила обнаженная грудь скалы» [Там же, с. 59]. Даже воздух (казалось бы, нечто эфемерное) у Шишкова обретает человеческие черты: ранним утром он «просыпается» [Там же, с. 76].

Природа Сибири многообразна и многолика, и все же в ее изображении доминирует концепт тайга. То, что сибирский лесной массив полон жизни и представляет собой особый мир, не требует доказательств. В. Я. Шишков уподобляет тайгу не множеству людей, что было бы привычно, а одному человеку. И это подчеркивает единство всего, что существует в ней в самых разных формах жизни: «Лицо тайги, приподнятое к небу, было темно-зеленое, угрюмое – ночные тени еще не сползли с него» [Там же, с. 75].

Природные реалии, наделенные человеческими чертами, как бы становятся принадлежностью мира людей. Нечто похожее происходит и с предметами. Лодка-

шитик наравне с Прохором и Ибрагимом участвует в схватке с коварным речным порогом. Когда опасность осталась позади, шитик, «весь проникнутый духом борьбы, победоносно пробивается к берегу» [Там же, с. 97]. На следующий день, продолжив путь по бурной реке, «шитик со страху закрыл глаза, незряче мчал вперед» [Там же, с. 97]. И животные у Шишкова тоже ведут себя, как люди: белка благодарит бога за найденную шишку и возможность поесть, а филин в ночном лесу «бормочет студеную зимнюю сказку» [Там же, с. 114]. Как видим, не только внешность, но и манера поведения людей передается представителям природного мира.

Таким образом, семантические поля концептов природа и человек постоянно пересекаются, формируя семантическое поле концепта мир. Автор подчеркивает единство мироздания, находя сходства в человеческом и природном мирах.

С другой стороны, если предметы, природные стихии и реалии уподобляются человеку, то и в людях писатель часто подмечает родство с ними. Так, например, о старике Никите Сунгалове, которому уже перевалило за сто лет, автор говорит, что он древний, «как седые волны» [Там же, с. 87]. В облике тунгуса, которого Прохор и Ибрагим хотели заставить сопровождать их в экспедиции по неизведанной реке, проглядывает что-то звериное: «Тунгус ошетинился, как рысь» [Там же, с. 111]. Прохор Петрович на корме своей «большой десятивесельной лодки» возвышается над всеми и «стоит дубом» [11, т. 2, с. 163]. Подобных примеров в романе множество. Характерно, что почти всегда в подобных ситуациях автор использует сравнения: «слышался многоголосый крик, словно граяла на отлете стая грачей» [11, т. 1, с. 20].

Сибирь велика, ее природа в романе поражает своей мощью, красотой, дикостью, а часто и неприступностью. В представлении автора, природный мир олицетворяет собой жизнь в ее изначальном понимании, как бытие. Можно сказать, что в концептуальном плане природа, природный мир иерархически оказывается над человеком, человеческим миром. Поэтому органично воспринимается метафора река – «человечья жизнь» [Там же, с. 74] или более обобщенно – «людская жизнь» [Там же, с. 98]. Реку, как и жизнь, невозможно охватить взглядом и понять до конца. Поэтому один из героев, Фарков, говорит о реке: «Пойди пойми ее» [Там же, с. 74], – а получается, что разговор идет о жизни.

В другом эпизоде старик Никита Сунгалов, напутствуя Прохора, говорит: «Плывите, не страшитесь, реку не кляните, она вас выведет. Река что жизнь» [Там же, с. 92]. Таким образом, мысль об идентичности человеческой жизни и реки оформляется уже в начале повествования. Юный Прохор Громов бросает вызов Угрюм-реке. Она представляется ему удавом, кольца которого он выпрямит, все изменит и заставит жить по-своему. Эта мысль героя в начальных частях первого тома романа повторяется несколько раз: слова варьируются, а смысл покорения жизни остается неизменным.

Характерно, что автор стремится показать сложность мировосприятия и уберечь читателя от упрощенного понимания происходящего. Это семнадцатилетнему герою кажется, что все просто, а в авторском понимании река (как философское осмысление жизни человека) воспринимается в противоречии начала и конца: «радостный конец пути» оборачивается «скрытым неизвестностью началом» [Там же, с. 91].

Противостояние главного героя и Угрюм-реки воспринимается в романе как основа философского конфликта произведения. Это противостояние длится на протяжении всего произведения. Вначале, когда Прохор и Ибрагим-Отлы с великими трудностями и риском для жизни плывут по реке, создается впечатление, что чело-

век слишком слаб, чтобы тягаться с коварной и непредсказуемой силой природы. Потом Громов обосновывается на новом месте, и читателю кажется, что он победил: распахал землю, построил дома, привез людей. По мере того как разрастается его дело, а сам он все больше удаляется от себя прежнего, крепнет и убеждение в его победе. Но в финале становится очевидным его поражение. Завершающие слова романа подтверждают это: «Угрюм-река – жизнь, сделав крутой поворот от скалы с пошатнувшейся башней, текла к океану времен, в беспредельность» [11, т. 2, с. 518]. Это высказывание подводит итог поединку, продолжавшемуся на протяжении десятилетий: Прохор бесславно покинул мир, который был, есть и будет.

В свете таких рассуждений по-другому воспринимается и название романа, которое не столько называет место действия, сколько выводит читателя к осознанию бытия человека, к познанию его сути. Эта мысль подтверждается и на концептуальном уровне.

Концепт жизнь тоже невозможно анализировать в линейной последовательности, поскольку это сложная и многомерная система. Жизнь-река Прохора много раз пересекается с жизнью-тройкой, причем тройкой «на лешевых подковах» [11, т. 1, с. 62], на которой несется вскачь его отец, Петр Данилович, «по кочкам, по сугробам, в пропасть» [Там же]. Жизнь – форма существования и вечного движения и мироздания, и отдельного человека. Вечного, но не единого, так как у каждого в этом общем потоке своя скорость, свое направление, сила и размах.

Важное место в концептосфере романа занимает вера. Как и все остальные концепты, так или иначе связанные с миром, вера далеко не однозначна. Для героев она прежде всего связана с представлениями о религии и реализуется в соблюдении христианских заповедей и законов. Но отношение автора к религии и вере невозможно назвать однозначным, что тоже «работает» на созданную им многоплановую модель мироздания.

Как известно, роман создавался на протяжении долгого времени в послереволюционную эпоху, когда старые устои рушились (часто и осмеивались) и активно формировались новые. Поэтому религиозная сторона жизни героев преподносится в романе под определенным углом зрения. Уже на первой странице упоминается «какое-нибудь забуддыжное лицо духовного звания» [Там же, с. 19]. В последующем читатель может убедиться, что шишковские священники представлены в основном в сатирических тонах. Отец Ипат из первого тома романа нарушает все основные христианские заповеди, дьякон Ферапонт, отец Александр из второго тома тоже предельно далеки от идеала священнослужителя. И простые прихожане, необразованные, ограниченные, часто лишенные элементарных жизненных условий, живут по звериным законам и не стремятся к познанию религиозных истин. Но это лишь одна из сторон жизни.

Некоторые герои романа относятся к религии как-то утилитарно, вспоминают о вере лишь в критические моменты своей жизни. Так, Данила Громов («душегубец», как он сам себя называет) перед смертью рассказывает сыну Петру, где он спрятал золото, и просит построить церковь, «богаделенку какую» [Там же, с. 26], чтобы снискать прощение для себя на том свете. Петр Данилович золото нашел, но об обещании своему умирающему отцу тут же забыл и не вспомнил даже о словах старика о том, что и с потомков его «взыщется» («...с тебя, с Прошки, со всего кореню нашего» [Там же, с. 24]) за страшные грехи. В этом ракурсе, как возмездие за преступления Данилы, можно воспринимать последующую жизнь его сына Петра и внука Прохора. Другими словами, многие герои предельно удалены от веры и живут

во грехе. Религия и церковные обряды для них – часть обыденной жизни. Поэтому, не задумываясь о сути, они привычно ходят в церковь, постятся, обедают блинами на масленицу, радуются Пасхе, очень легко божатся по всякому поводу, но при этом постоянно нарушают христианские устои. Интересно, что эту манеру всякий раз поминать Бога переняли тунгусы. Когда Прохор впервые повстречался на реке с тунгусской семьей, ее глава пытался отговорить юношу от поездки и все повторял: «Борони бог» [Там же, с. 78].

Но есть в романе и другие персонажи. Столетний старик Никита Сунгалов целый день скакал на лошади, чтобы догнать лодку Прохора и дать ему денег на покупку свечки в монастыре. Отец и сын Громовы дважды на своем пути встречают старцев и оба раза оказываются сторонними наблюдателями того, к чему им не дано прикоснуться в силу их порочности. Петр Данилович Громов заезжает к братьям-старцам, когда отправляется на поиски пропавшего сына. А Прохор приходит к ним, когда в последний раз пытается вернуться к прежним, уже преданным им идеалам и найти ускользающий от него смысл жизни, найти облегчение для страдающей совести. Оба героя так и не понимают стариков, ушедших от мира и живущих по собственным законам, максимально приближенным к Богу и естественному миру природы. Старший Громов уезжает от старцев «с неприятным чувством к ним и злобой» [Там же, с. 140]. Для определения состояния Прохора у старцев автор находит точное выражение: «игра в маскарад» [11, т. 2, с. 283], – именно так воспринимает происходящее сам герой.

Интересно проследить, как эволюционирует концепт вера, раскрывается по мере развития характера главного героя. Религиозное чувство в душе Прохора эволюционирует от веры к неверию, к утрате Бога в душе, к скатыванию в безумие под гнетом совершенных преступлений.

В начале романа это семнадцатилетний юноша, вчерашний гимназист, наивно полагающий, что сможет изменить мир и, что важно, значительно улучшить его. Он искренне верит в Бога, о чем автор вскользь замечает несколько раз. Так, мы узнаем, что Прохор «стоял обедню» на масленицу, «говел» и с нетерпением ждал праздника Пасхи. Для него Бог всемогущ. Поэтому, отправляясь в опасное путешествие по дикой и безлюдной реке, он молится и просит милости: «...да пошлет ангела-покровителя, да сделает путь его счастливым» [11, т. 1, с. 75]. В душе его бушуют какие-то неосознанные им самим страсти, но помыслы его пока чисты. Но чем дольше живет герой, тем дальше он уходит от Бога и от самого себя прежнего. Звериное начало все больше преобладает в его душе над человеческим.

Анализ концептосферы романа приводит к мысли о том, что в понимании В. Я. Шишковым веры и религиозности есть что-то пантеистическое, обожествляющее природу. Может быть, писатель органически воспринял мироощущение коренных жителей Сибири – тунгусов, для которых окружающий мир был воплощением божественного начала, а природные стихии – божествами. Интересно, что для юного Прохора Бог – это весь мир. Солнце – воплощение бога, потому что в диких и враждебных человеку местах оно равноценно жизни. Именно солнце помогает юноше избавиться от призраков в его душе во время первой поездки по Угрюм-реке. Он молится Богу на горе и воспринимает восход солнца как явление «новорожденного света» [Там же, с. 76]. В другой момент жизни небесное светило поражает героя своим равнодушием, когда «без злой воли, радости и гнева» проплывает «над земным ничтожным миром» [Там же, с. 77]. Солнце вообще играет в первом томе романа очень важную роль. Оно во многом определяет саму возможность жизни в том су-

ровом краю, где разворачивается действие. Весеннее возрождение природы воспринимается как проявление божественной сути: «Весна шла с неба» [Там же, с. 188].

Даже в повседневной жизни героев переплетаются христианские и языческие верования. Мать Прохора, Марья Кирилловна, боясь за жизнь пропавшего на реке сына, «ежедневно заказывала обедни с коленопреклоненными молебнами о здравии страждущего и путешествующего отрока» [Там же, с. 140]. Но как самое действенное средство для его спасения она восприняла обращение к шаману-тунгусу, который и дал ей надежду на его скорое возвращение. И шаманка Синильга в судьбе главного героя играет важную роль, являясь ему в снах и видениях. Таким образом, концепт вера в романе оказывается напрямую связанным с жизнью, человеком, природой и вместе с ними составляет концептуальное поле мира.

Подводя итог размышлениям о концептосфере романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река», еще раз отметим слитность и взаимопроникаемость семантических полей всех основных концептов как одну из основных особенностей произведения. В понимании автора, мир един во множестве своих проявлений. И все они оказываются взаимосвязанными – как в жизни конкретного человека, так и в бытии мира в целом.

Список литературы

1. Брызгалова Е. Н. Онтологические проблемы в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» // Личность и творчество В. Я. Шишкова в контексте отечественной литературы. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2008. С. 10–18.
2. Брызгалова Е.Н. Концепт «Париж» в эмигрантской поэзии Дон-Аминадо // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 3. С. 20–29.
3. Бунеев Г.А. Ономастическое пространство романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга»: дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01 / Г.А. Бунеев ; Воронежский государственный университет. Воронеж, 2011. 172 с.
4. Закаблукова Т.Н. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова : дис. ... канд. филол. н. : 10.01.01 / Т.Н. Закаблукова ; Красноярский. гос. пед. ун-т. Красноярск, 2008. 191 с.
5. Казнина Л. А. Романтические тенденции в творчестве В.Я. Шишкова : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Л. А. Казнина ; Моск. гос. ун-т. М., 1984. 205 с.
6. Королева С. Ю. «Сибирский миф» в романе В. Шишкова «Угрюм-река»: на стыке художественных систем // Пограничные процессы в литературе и культуре. Пермь : Пермский гос. ун-т, 2009. С. 41–43.
7. Кочетов В. В. Я. Шишков и народное поэтическое творчество. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1981. 65 с.
8. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд : очерк творчества В. Я. Шишкова. Тверь : Тверское обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 152 с.
9. Чалмаев В.А. Вячеслав Шишков : критико-биографический очерк. М. : Сов. Россия, 1969. 116 с.
10. Черкасов-Георгиевский В. На стрежне Угрюм-реки: жизнь и приключения писателя В. Шишкова. М. : ТЕРРА, 1996. 447 с.
11. Шишков В. Я. Угрюм-река : роман : в 2 т. Т. 2. Л. : Худож. лит., 1973. Т. 1. 461 с. 511 с.
12. Яновский Н.Н. Вячеслав Шишков. Очерк творчества. М. : Худож. лит., 1984. 272 с.

THE CONCEPTUAL SPHERE OF THE NOVEL “UGRUM RIVER”
BY V. YA. SHISHKOV

L.N. Skakovskaya

Tver State University
the Department of international relations

The article discusses the basic concepts that form the conceptual sphere of the novel “Ugrum river” by V. Ya. Shishkov. The author reveals the connection between them and defines their place in the whole system of the novel. The concepts of peace, nature and man form the core of this conceptual sphere. Intertwined, they form the philosophical basis of the work included in the Golden Fund of the Russian literature of the twentieth century.

Keywords: *V. Ya. Shishkov, romance, concept, conceptual sphere, world, nature, people.*

Об авторе:

СКАКОВСКАЯ Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: education@tversu.ru.

About the author:

SKAKOVSKAYA Ludmila Nikolaevna – doctor of Philology, Professor, head of the Department of international relations, Tver State University (170100, Tver, Szhelabov str., 33), e-mail: education@tversu.ru.